

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 808.2-318+802.0-318

ФРАЗЕМОСЕМИОЗИС В СВЕТЕ КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ТЕКСТА

Н. Ф. Алефиренко
Е. И. Перехватова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
alefirenko@bsu.edu.ru
kejtg@mail.ru*

Фраземосемиозис – речемыслительная деятельность, направленная на косвенно-производную репрезентацию субъективно-интерпретативных концептов в составе фреймов, репрезентирующих в когнитивно-прагматическом пространстве текста определённые дискурсивные ситуации.

Ключевые слова: фраземосемиозис, текст, дискурс, дискурсивная ситуация, внутренняя речь.

Среди белых пятен когнитивно-прагматической лингвопоэтики актуальной остаётся проблема вторичного фраземосемиозиса – фразецентрического порождения высказывания в рамках построения художественного текста. Под вторичным фраземосемиозисом мы понимаем речемыслительные операции, производимые автором текста по образованию или преобразованию идиоматических выражений с целью их когнитивно-прагматической адаптации к смысловому содержанию того дискурса, продуктом которого является данный текст.

Процесс вторичного фраземосемиозиса непосредственно связан с речемыслительной деятельностью автора, стимулирующей внутреннее (довербальное) и внешнее (вербальное) порождение высказывания. В результате этого формируется многоуровневая (когнитивно-прагматическая) структура фраземы как знака вторичного обозначения в синтагматическом ряду номинативных единиц высказывания. Поскольку речевое общение – «деятельность, предполагающая прием и переработку информации, конечным результатом которой является понимание, интерпретация полученной информации и её оценка» [5, с. 138], особое место в процессе вторичного фраземосемиозиса занимают коммуникативные и поведенческие тактики коммуникантов, прямо или косвенно участвующих в порождении и восприятии текста (автор, читатель, персонажи). Всё это создаёт необходимые коммуникативно-прагматические условия вторичного фраземосемиозиса – косвенно-производного способа репрезентации художественных концептов, в структуре которых доминирует оценочно-образное восприятие особого объекта номинации – дискурсивной ситуации. Вводимое нами понятие «дискурсивная ситуация» опирается на свои производящие – «дискурс» и «текст». Художественный дискурс – сложное коммуникативно-когнитивное явление, в состав которого входит не только сам текст, но и различные экстралингвистические факторы (знание мира в творческой интерпретации автора и читателя, мнения, ценностные ус-

тановки), играющие важную роль для понимания и восприятия текста. Текст – продукт дискурсивной деятельности, порождение которого осуществляется только при условии возникновения определённой дискурсивной ситуации. Элементами дискурсивной ситуации служат, прежде всего, (а) события, ставшие объектом художественного описания; (б) коммуниканты (автор, персонажи); (в) перформативная информация. Не менее её важными элементами выступают «не-события»: обстоятельства, сопровождающие события, фоновые знания, субъективно-оценочные смыслы, порождаемые участниками данной дискурсивной деятельности и т. п. (см. схему).

Являясь ключевым понятием когнитивно-прагматической лингвистики, дискурсивная ситуация представляет собой событийный континуум, в рамках которого протекает речемыслительная деятельность человека, заключающаяся в обмене между общающимися субъектами коммуникативно актуальной информацией в соответствии со сформировавшимися в данном этнокультурном сообществе речевыми стратегиями и тактиками.

В отличие от денотативной ситуации, формирующей семантическую структуру предложения, дискурсивная ситуация, лежащая в основе вторичного фразеосемиозиса, конституируется, главным образом, невербальными факторами порождения высказывания: обстоятельствами общения в целом, личностными свойствами коммуникантов, прагматическими стимулами текстопорождения и т. д. [ср.: 11, с. 41]. Такого рода дискурсивная ситуация выступает главным когнитивно-прагматическим условием накопления той синергетически сложной информации, которая и формирует смысловое содержание того ассоциативно-образного концепта, которому требуется косвенно-производная репрезентация. Такие многоканальные потоки дискурсивной синергии, сконцентрированные в смысловом содержании ассоциативно-образного концепта, могут быть выражены только знакообозначениями лингвокреативной природы, важнейшими из которых являются фраземы. В них сфокусирован весь спектр дискурсивной информации: интенционально-прагматические, когнитивные, коммуникативные, образно-оценочные и ассоциативные смыслы. В связи с этим, прежде всего, важно выяснить онтологические и коммуникативные основания вторичного фразеосемиозиса. С точки зрения онтологии, ведётся поиск ответа на вопрос о том, какое именно взаимное воздействие языковых и мыслительных структур нуждается в косвенно-производной номинации вообще. Коммуникативные предпосылки вторичного фразеосемиозиса порождают функциональный потенциал фраземы, обуславливающий когнитивно-прагматические параметры всего высказывания, вербализующего закодированную в репрезентируемых концептах дискурсивную информацию. Такое высказывание обычно оказывается фразеомоцентрическим.

На наш взгляд, процесс порождения фразеомоцентрического высказывания может быть охарактеризован посредством когнитивно-семиологического подхода, основанного на взаимодействии внеязыковой и языковой семантики. Особенностью данного подхода является то, что высказывание порождается посредством взаимодействия образной и мыслительной информации. Как отмечает Н. Ф. Алефиренко, «структурные элементы (наносмыслы) образного и понятийного познания на разных этапах отражения и интерпретации действительности находятся в интерактивном режиме:

переходят друг в друга» [2, с. 79], то есть объективирование информации представляет собой синергетический процесс взаимодействия образного и понятийного познания.

На начальном этапе текстопорождения, по А. А. Леонтьеву, у субъекта коммуникации возникает мотив, затем мысль (речевая интенция), внутреннее программирование, лексическое развертывание и грамматическое конструирование, моторная реализация и внешняя речь. Согласно такой логике текстопорождения, можно предположить, что первичным стимулом возникновения фраземы служит актуализация известного или порождение нового ассоциативно-образного концепта. При этом в речемыслительной деятельности фраземопорождающего субъекта можно выделить несколько взаимосвязанных звеньев: (а) сначала формируется обобщённо-образное представление о дискурсивной ситуации; затем (б) дискурсивное сознание останавливается на коммуникативно релевантной фразео-семантической группе (наборе фразем, объединённых одним общим значением). Из выделенной фразео-семантической группы (в) отбирается та фразема, которая соответствует общей интенциональности порождаемого высказывания и (г) предполагает адаптацию фразеологического значения актуализируемого фраземознака к когнитивно-прагматическому содержанию всего высказывания. На заключительном этапе вторичного фраземосемиозиса происходит (д) структурно-семантическая модификация знака косвенно-производного характера (образование фраземы по известной фразеомодели, её индивидуально-авторская трансформация, вариантные модификации означающего или означаемого фраземознака). Наконец, (е) путём смыслового согласования семантики фразеологической конфигурации и смыслового содержания порождаемого высказывания создаётся фразеологический контекст, в рамках которого, собственно, и определяются параметры смыслового варьирования. Прежде всего, они должны соответствовать прагматическим векторам соответствующего высказывания и его общему замыслу, возникшему «на основе определенных целей и мотивов говорящего и для реализации которого носитель коммуникативного намерения предпринимает определенные шаги, используя оптимальные языковые средства» [8, с. 15]. Ср.: *Как же теперь нам быть? – спрашивал Яша после третьей рюмки. – Без ножа зарезала нас Феня... - Чему быть, того не миновать! – весело ответил Акинфий Назарыч. – Ну, пошумит старик, покажет пыль – и весь тут... Не всякое лыко в строку. Мало ли наши кержанки за православных убегом идут?* Мамин-Сибиряк. Каждый элемент этого микрореконтекста направлен на приобщение читателя к пресуппозитивной информации. Её остовом служат: 1) вопросительная конструкция *Как же теперь нам быть?*, предполагающая поиск путей решения проблемной ситуации; 2) наречие *теперь*, т.е. в 'настоящее время, сейчас', содержащее пресуппозитивную информацию о том, что в прошлом возникла крайне тревожная ситуация; 3) частица *же*, которая придаёт всему вопросу коммуникативно-смысловые оттенки растерянности, тревоги и срочности выхода из лабиринта сложившейся жизненной ситуации. Пресуппозитивный фон, таким образом, порождает общее образное представление о дискурсивной ситуации. С опорой на возникший в сознании автора образ дискурсивной ситуации и в соответствии с коммуникативными интенциями, активизируется фразео-семантическая группа с общим значением *растерянности перед неотвратимостью «приговора судьбы»*. Из них Д. Н. Мамин-Сибиряк выбирает фраземы, которые путем адаптации к когнитивно-прагматическому содержанию дискурсивной ситуации (осуждение девушки Фени, вышедшей замуж за человека другой веры) приобретают оптимальную для данного контекста структурно-семантическую конфигурацию. Последняя путём смыслового согласования семантики фразем и содержания высказывания определяет порядок репрезентации концептов, объективирующих смысловые кластеры фрейма «Судьба»: 1) стечение обстоятельств, не зависящих от воли человека, ход жизненных событий (*чему быть, того не миновать*); 2) смирение (*покажет пыль – и весь тут*) 3) непредсказуемость жизненных ситуаций (*не всякое лыко в строку*). Таким образом,

первичным мотивирующим стимулом к такого рода фраземосемиозису послужила необходимость объективировать фрейм, который бы моделировал дискурсивную ситуацию в интенционально оптимальной субъективно-интерпретативной форме. Достигается это благодаря конструктивной функции внутренней речи. Прежде чем та или иная фраза становится элементом художественного текста, автор структурирует мысленную схему дискурсивной ситуации с помощью сукцессивного развёртывания внутренней речи. Затем с помощью когнитивной метафоры прямо номинативное именование дискурсивной ситуации переводится в косвенно-производное. Это позволяет субъективно-ассоциативную структуру отражения дискурсивной ситуации воплотить в предметно-чувственный образ, то есть благодаря внутренней речи план содержания таких образов переводится из «сукцессивно представленных фрагментов дискурсивного сознания в симультанную структуру» [2, с. 227]. Таким образом, возникновение или функционирование фразем в художественном дискурсе начинается с формирования общего замысла и построения внутренней речи, которая сначала переводится в прямо номинативную структуру высказывания, и лишь затем на основе ассоциативно-компаративной связи предметно-чувственных и словесных образов возникает когнитивная метафора¹. Она служит креативным стимулом для возникновения во внутренней речи фрейм-структуры, слотами которой выступают интерпретативно-субъективные концепты в виде ассоциативно связанных предметно-чувственных образов – строевых элементов дискурсивной ситуации. Такого рода фрейм-структура служит когнитивно-дискурсивным источником косвенно-производного формирования смысловой структуры, представляющей возникшую дискурсивную ситуацию [см.: 2, с. 36]. Так, интенциональный импульс автора, побуждающий выразить дискурсивную ситуацию «состояние растерянности и его преодоление» на начальном этапе порождения речи перерастает в когнитивную метафору, ассоциативно-образные связи которой «диктуют» выбор таких ФЕ, которые своими экспрессивно-образными свойствами в наибольшей степени соответствуют речевой стратегии адресанта. Ср.: *Дураки вы все, вот што!.. Небойсь, прижали хвосты, а я вот нисколько не боюсь родителя... На волос не боюсь и все приму на себя.* Мамин-Сибиряк. Косвенно-производное значение выделенных фразем, номинирующих дискурсивную ситуацию «робость и её преодоление», сформировалось путём ассоциативно-образных преобразований прямых значений каждого лексического компонента: *прижать* – ‘нажав, притеснить, придавить чем-нибудь’, *хвост* – ‘придаток на задней части тела животного или вообще задняя суженная часть тела животного’, *волос* – ‘тонкое роговое нитевидное образование’. С помощью образного лингвокреативного мышления эксплицируются обусловленные целостным образом всей дискурсивной ситуации семы (актуальные или потенциальные) каждого лексического значения. (Всем хорошо известный образ животного, поджавшего хвост в знак подчинения другому). В ходе ассоциативно-смысловой интеграции актуализированных сем в обобщенно-целостное значение фраземы происходит перемещение этих сем из импликационала в интенционал соответствующих лексических значений. Такого рода перемещение сем вызвано ког-

¹Когнитивная метафора – когнитивный процесс, который выражает и формирует новые концепты и без которого невозможно получение нового знания. По своему источнику когнитивная метафора отвечает способности человека улавливать и создавать сходство между разными классами объектов. При наиболее общем подходе метафора рассматривается как видение одного объекта через другой и в этом смысле является одним из способов репрезентации знания в языковой форме. Метафора обычно относится не к отдельным изолированным объектам, а к сложным мыслительным пространствам. В процессах познания эти сложные непосредственно ненаблюдаемые мыслительные пространства соотносятся через метафору с более простыми или с конкретно наблюдаемыми мыслительными пространствами). В подобных метафорических представлениях происходит перенос концептуализации наблюдаемого мыслительного пространства на непосредственно ненаблюдаемое, которое в этом процессе концептуализируется и включается в общую концептуальную схему данной дискурсивной ситуации.

нитивным процессом: переносом признаков первичного денотата на вторичный, который, обрастая дискурсивно обусловленными ассоциативно-образными смыслами, индуцирует качественно новое, косвенно-производное значение, формируемое лингвокреативными механизмами фраземосемиозиса: **прижать хвост** – ‘заставить кого-л. повиноваться, подчиняться’, **на волос не бояться** – ‘нисколько, ничуть, совершенно лишиться страха’. Подобное ассоциативно-смысловое преобразование происходит по законам когнитивной метафоризации. Лексема **хвост**, к примеру, имеет в своей структуре лексико-категориальную сему (архисему) ‘выдающаяся часть тела’, которая служит средством выражения поведенческой тактики многих животных. Такие стереотипы, сформировавшиеся опытным путём, стали образной основой структурно-семантической деривации некоторых фразем. При этом используется «язык поведенческой тактики», символический смысл, выражаемый хвостом: **держать хвост трубой** для животного означает агрессию; **виляние хвостом** – заискивание; **поджать (подвернуть, опустить и т. д.) хвост** – подчинение. Ср.: 1. *Он дома ночевать перестал. Заявится, поднарядится и пошел – хвост трубой.* Ляшко (**хвост трубой держать** – ‘держать себя молодцевато, самоуверенно’); 2. *Что же заставляет всех этих людей так униженно вилять хвостом перед человеком, который даже и не взглянет на них никогда внимательно?* Куприн (**хвостом вилять** перед кем-либо – ‘юлить, заискивать перед кем-нибудь’); 3. – *Больно спесив Кирила Петрович: а, небось, поджал хвост, когда Гришка мой закричал ему: Вон, старьёй пес!* Пушкин (**поджать, подвернуть, опустить и т. д.) хвост (простореч.)** – а) утратить спесь, самоуверенность; б) утратить свой пыл, задор; снизиться). Причём модальность когнитивной метафоры определяется дискурсивной ситуацией. Средством её выражения обычно служит глагольный компонент фраземы: **поджимать хвост** – добровольно выражать подчинение кому-либо; замена глагольного компонента переходным глаголом **прижимать** (что-л. кому-л.) меняет весь модальный смысл выражения: **прижимать хвост** кому-л. – **з а с т а в л я т ь** кого-л. повиноваться, подчиняться. – [Кардобаева]: *Ты знаешь, какая она у меня, – её хвоста не прижмешь.* Невежин. Метафорический образ **прижатого хвоста**, будучи перенесенным на новую дискурсивную ситуацию, в составе фраземы выражает желание (намерение) «сбить с кого-либо спесь». И это несмотря на то, что среди субъектов новой ситуации вообще нет животных, обладающих такой поведенческой тактикой. Антропонимичность дискурсивной ситуации выражается переходной формой глагольного компонента (**прижимать, зажимать, пришить, пришилить и т. п. хвост (кому-н.)** – связать, стеснить кого-нибудь в чем-нибудь). Ср.: – *В такой бы скит её, где бы накрепко хвост-то пришили.* Мельников-Печерский. *Явилось еще двое детей, и уж не могло быть речи о том, чтобы мы разъехались или развелись. Мне “пришили хвост”.* Авилова. Как видим, заложенные в когнитивной метафоре смысловые признаки в процессе лингвокреативной деятельности автора используются в качестве мотивирующих признаков фраземосемиозиса. Тем самым решается задача косвенно-производной объективации дискурсивной ситуации со всеми невербальными факторами порождения фразеометрического высказывания. Ср.: **Показать хвост (простореч.)** – уйти, убежать от кого-нибудь: – *Горничную девушку её [помещицы] на поселенье присудили было сослать. Да та тоже не глупа девка, – хвост им показала, через 20 лет уж после в скитах нашли.* Писемский. – *Отмалчивается со вздохом хозяин, зная, что зима недолга и с весною покажет он бабе хвост: ищи только!* Данилевский. – [Зорина]: *Ну народ! Ему только диплом получить да перед профессорами хвостом вилять, а на общественность чихать.* Лавренев. **Хвост кверху (у кого-нибудь); держать, задирать, задрать и т.д. хвост (кверху) (простореч.)** – чувствовать себя уверенно, бодро, приходиться в такое настроение. – *И чем настойчивее и живее старалась услужить ей мать, тем враждебнее чуждалась её бабушка... – Ты чего это больно хвост-то задираешь, невестка?.. Аль от му-*

жа храбрости набралась? Гладков. **Распустить хвост (простореч.)** – стать заносчивым, дерзким. – Он взбодрился. Наглец, он сразу же вновь обрел всю свою наглость, **распустил хвост**. Воеводин. **Распускать, распустить (пышный, павлиний) хвост (перед кем-нибудь)** – красуясь, стараться произвести впечатление. – Он способен был вести себя как всегда, острить, любезничать, “**распускать павлиний хвост**”, по выражению одного приятеля. Боборыкин. **Поджать (подвернуть, опустить и т.д.) хвост (простореч.)** – утратить свой пыл, задор; снизиться. – Племянник ваш, – продолжал Шубин, – грозитя и митрополиту, и генерал-губернатору, и министру жалобы подать... Попетушится – и **опустит хвост**. Тургенев. **Наступать, наступить на хвост (кому-нибудь) (простореч.)** – ущемлять в чем-нибудь, задевать, обижать. – Он в обхождении прост, / **Не наступает никому на хвост** / И личные ни с кем не сводит счеты. Михалков. **Сыпать, насыпать соли на хвост (кому-нибудь) (простореч.)** – а) стараться поймать, удержать кого-нибудь. – Ты товар дай и деньги бери. А то – вперед! – И очень просто: деньги возьмут, а уполномоченный и был таков: Митькой звали, фить, **сыпть ему на хвост соли**. Горбатов; б) насолить, навредить. – Он говорил, довольный, что слово его не вызывает в Дибиче протеста, но еще приятнее ему было, что оно явно претит другому слушателю. На фронте это называлось: **насыпать соли на хвост**. Федин. – Вот те и пролетария! – зло сказал он... – А тебе пролетарий **соли на хвост насыпал**? – язвительно спросил Коваль. Либединский. **Укоротить хвост кому-нибудь** – осадить кого-нибудь, сбить спесь, поставить на место. – Давно пора Андриану Брежневу **хвост укоротить**, – более задиристыми и веселыми словами поддержал предложение Коренковой Николай Шаталов. Лаптев. **Ловить, схватывать и т.п. за хвост** – а) стремиться достичь, добыть что-нибудь трудно дающееся, ускользающее, несбыточное. – В душе его [художника] возродилось желание непреодолимое **схватить** славу сей же час **за хвост** и показать себя свету. Гоголь. – Системами дорожат только те, которым вся правда в руки не дается, которые хотят её **за хвост поймать**. Тургенев; б) внезапно находить удачное решение, нападать на счастливую мысль и т.п. – Он раньше всех схватывает на лету, **ловит за хвост** ту тему, которая еще не делалась сегодня, но сделается завтра всеобщей злобой дня. Куприн. – [Трубников]: Обиднее всего будет, если американцы... откроют этот метод и, едва только **ухватив** идею **за хвост**, как всегда первыми растреляют об этом на весь мир. Симонов. **Поймать, ухватить и т.п. синицу за хвост** – добиться успеха в каком-нибудь трудном деле. – [Аленка]: Я перепробовала десятки вариантов состава нужных удобрений, и наконец мне показалось, что я нашла... Спустя неделю интенсивность созревания повысилась, и я поняла, что все-таки ухватила синицу за хвост! Арбузов. **Поймать, ухватить и т.д. чёрта за хвост (простореч.)** – то же, что поймать, ухватить и т.п. синицу за хвост. – Вчера я целый день возился с сахалинским климатом. Трудно писать о таких штуках, но все-таки в конце концов **поймал чёрта за хвост**. Я дал такую картину климата, что при чтении становится холодно. Чехов. **Держать за хвост (кого-, что-нибудь) (простореч.)** – не давать ускользнуть, уйти от чего-нибудь. – Государственного, мирового значения была эта тайна... Он уже **за хвост держал** Дьянкова-Питкевича, – вывернулся, проклятый, обошел! А. Н. Толстой. **Заметать, замести хвостом след (следы) (простореч.)** – хитростью, уловками стараться замаять что-нибудь, уничтожить следы, улики. – А как Кондрат Гаврилович? – тараторила Марфа Петровна, заминая разговор. – А ты вот что, Лиса Патрикеевна, не заметай хвостом следов-то! Мамин-Сибиряк. – [Егор]: Народ надуваешь... С живого шкуры сдираешь, а в конторе хвостом заметаешь след, на добрых людей наговариваешь! Карпов. **Замарать хвост (простореч.)** – опозорить, осрамить себя. – Пора! Поймают, тогда все пропало. Теперь уж и у тебя, Хоринька, хвост навеки замаран. Данилевский. Ла-

ать на свой собственный хвост (простореч.) – по-пустому горячиться; об очень молодых и задорных людях. – *Они оба славные ребята – и Борис и Васька. Но еще малы и на свой собственный хвост лают.* Куприн.

Благодаря такому знакообозначению дискурсивной ситуации писатель прибегает к речевым действиям, порождающим контекст, ориентированный на читателя. Персонаж ориентируется при этом на общие с собеседником пресуппозиции, фоновые и актуализированные знания, национально-ментальные стереотипы, выражая при этом свои собственные интенции, настроения, отношения, оценки [см.: 11, с. 81]. Автор стремится таким образом выразить свое отношение к дискурсивной ситуации, а персонаж – ещё и к собеседнику, что, собственно, и обуславливает выбор оптимальных для данной дискурсивной ситуации фразеологических средств. Иными словами, для осуществления любого речемыслительного акта необходимо перевести ассоциативно возникшую фрейм-структуру в коммуникативно значимый знак косвенно-производного характера – фразему. Терминалами и слотами такой фрейм-структуры выступают фраземообразующие, субъективно-интерпретативные концепты, «диктующие» автору выбор той или иной фраземы. Ср.: *Вы человек способный. Но это ничего не значит. Дорога в ад вымощена не столько благими намерениями, сколько талантами. У человека, обладающего талантом, два пути – он может стать или подмастерьем дьявола, или подмастерьем Бога. <...> – А третьей дороги нет? – Есть, конечно... Не писать. – А талант, значит, зарывать? – надменно полюбопытствовал я. – Вы никогда не задумывались, почему самые красивые женщины уходили в монастырь? – Почему? – Потому что лучше зарывать талант в землю, чем распорядиться им неверно. Каждое неверное слово – пуля, выпущенная в чужое сердце.* Поляков. Данный фрагмент представляет целую дискурсивную ситуацию, суть которой состоит в попытке опытного мастера пера показать начинающему автору сложности писательского ремесла. Данная дискурсивная ситуация профилирует интенции, оценки и эмоции опытного писателя относительно того, что благие намерения в жизни нередко подменяются безнравственными поступками. Находясь в рамках данной дискурсивной ситуации и учитывая фоновые обстоятельства, персонаж пытается выбрать наиболее выразительные средства воздействия на собеседника (молодого автора), призывает его брать полную ответственность за каждое своё слово. В итоге создаётся цепочка образов, балансирующих на грани добра и зла: *опасность – жизненный выбор – безнравственность – зло.* В создавшейся дискурсивной ситуации для вербализации этих концептов персонажем отбираются соответствующие фраземы, наиболее экспрессивно выполняющие функцию убеждения. Ср.: *дорога в ад вымощена не столько благими намерениями, сколько талантами – опасность; может стать или подмастерьем дьявола, или подмастерьем Бога – жизненный выбор; талант зарывать в землю – безнравственность; пуля в сердце – убийство.*

Для реализации коммуникативных интенций субъектом речевой деятельности модифицирована фразема *благими намерениями вымощена дорога в ад* – ‘хорошие поступки не всегда ведут к добрым делам’, что необходимо для создания фразеологической конфигурации, адаптирующей фразеологическую семантику к когнитивно-прагматическому содержанию высказывания. Для описания данной дискурсивной ситуации сема ‘хорошие дела’ в семантической структуре фраземы противопоставляется семантике слова *ад* – ‘преисподняя, место, где души грешников после смерти предаются вечным мукам’. Тем самым опытный писатель, ориентируясь на общую фоновую обстановку с собеседником, модифицирует фразему с целью эмоционального воздействия на молодого автора. *Талант* – ‘выдающиеся врожденные качества, особые природные способности’, которыми нужно правильно распорядиться. Поэтому наставник пытается убедить собеседника в том, что талантливый писатель всегда должен стремиться к тому, чтобы его выдающимся способностям соответствовали благородные поступки. Достичь такого баланса нелегко. У писателя всегда

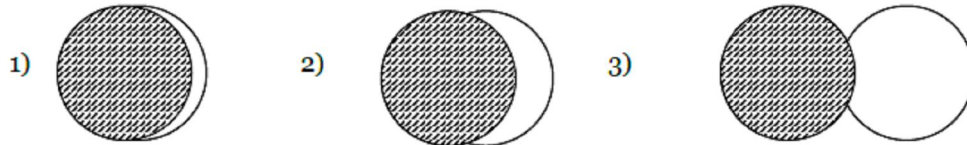

есть выбор: стать *подмастерьем дьявола* – ‘помощником тьмы, представителем зла’ или *подмастерьем Бога*. Выбор автора им же и обосновывается: «лучше **зарыть талант в землю, чем распорядиться им неверно**». Ведь «каждое неверное слово – **пуля, выпущенная в чужое сердце**». Окказионализм **пуля в сердце** образован по модели фраземы **нож в сердце** – ‘что-либо, причиняющее большую неприятность, досаду’. Фраземопреобразование в данном случае отвечает когнитивно-коммуникативным установкам персонажа-собеседника.

Рассмотренные этапы дискурсивной деятельности служат когнитивно-прагматическим основанием фраземосемиозиса в художественном тексте. Однако ответа требует и более сложный вопрос: что в этой деятельности стимулирует фраземосемиозис. Надо полагать, его побуждающим началом служит внутреннее программирование высказывания, поскольку именно на уровне внутренней речи определяются параметры и векторы образования дискурсивно значимого фраземознака. Внутренняя речь выступает связующим звеном между довербальными и вербальными процессами порождения фразеометрического высказывания. Эта роль ей отводится не случайно: механизмы внутренней речи (по Н. И. Жинкину) соотносятся с универсально-предметным, или предметно-изобразительным кодом, на котором в памяти человека записан его собственный опыт, языковые и практические знания, активизируемые по мере необходимости и выступающие основой порождения и понимания косвенно производного содержания. Это «сжатая, контурно представленная схема, по которой осуществляется интериоризация (семиотическое перерождение предмета номинации)» [2, с. 227], на основе которой формируется смысловой центр вторичного фраземосемиозиса. Для успешной художественной коммуникации необходимо, чтобы отправитель и получатель информации пользовались одним и тем же или сходным кодом, так как предметно-изобразительный код теснейшим образом связан с менталитетом и национальным характером, оказывая влияние на отбор и способ художественного представления интенциональной информации. Предметно-изобразительный код, таким образом, это та модель смысловой схемы, которая обеспечивает успешность коммуникативно-прагматического воздействия фразеометрического контекста. ФЕ в силу их когнитивно-дискурсивной природы можно представить как «развернутый культурно-языковой код» (по определению Б. Бернштейна), отличающийся от ограниченного сложностью и вербальной дифференциацией. Здесь речь идет как об уровне владения языком, так и о знании культуры и способов ее кодирования во фразеологических знаках [6, с. 38 – 39]. Именно поэтому для успешной реализации речевых стратегий в процессе восприятия текста необходимо знать не только заданную автором дискурсивную ситуацию, авторские интенции или намерения персонажа-собеседника, но и ту лингвокультурную среду, в которой возникла и функционирует та или иная фразама. Ср.: *А не болтай глупостей, особливо чего не знаешь. Ну, зачем пришел-то? Говори, а то мне некогда с тобой **баласы точить**...* Мамин-Сибиряк. Значение фраземы **баласы (лясы) точить** – ‘заниматься пустой болтовней’ сформировалось в результате ассоциативного переосмысления прототипической дискурсивной ситуации: изготовление балас было делом пустячным. Со временем выражение **баласы точить** приобрело значение ‘пустословить, болтать’. В данном примере интенции персонажа вводятся в коммуникацию императивными конструкциями инструктирования и побуждения к действию, сигнализирующими о стремлении коммуниканта избавиться от собеседника. Именно поэтому персонажем выбирается наиболее соответствующая его интенциям фразама, способная произвести необходимый прагматический эффект за счёт наличия в её семантической структуре семы ‘пустословие’, вступающей в оппозицию с настроением персонажа на серьёзный разговор.

Внутренняя речь характеризуется: а) сокращенной, фрагментарной структурой; б) концентрированно-предикатным характером; в) приобретением чисто субъективного смысла внутренней формой при отражении личного опыта человека [1, с. 135]. Выделенные свойства внутренней речи определяют особенности порождения фраземо-

центрического высказывания – его построение в направлении от предварительной схемы или программы высказывания к последовательности развертывания этапов его изложения. Поскольку реализация этой программы художественно-словесного текстопорождения – процесс творческий, то уровень его индивидуально-авторского своеобразия во многом зависит от степени идиоматичности структуры устойчивого словосочетания, что предполагает разную степень предметно-логической связи фраземы с вторичным денотатом. Чтобы зримо эксплицировать данную связь, её можно представить в виде двух пересекающихся кругов, площадь соприкосновения которых демонстрирует степень семантической целостности фраземы:

Представленная схема – некий инвариант фразеомцентрического высказывания, содержащий коммуникативно-прагматический потенциал его индивидуально-авторской реализации в соответствующей дискурсивной ситуации. Последовательность развертывания замысла высказывания представляет собой лингвокреативную деятельность автора, которая может иметь более или менее благоприятные условия для объективации дискурсивной информации, заполнения слотов выбранной фрейм-структуры новыми смыслами. На уровне внутренней речи формируется авторская интенция, выбирается фразеосхема, на основе которой и происходит фраземосемиозис, а затем выстраивается необходимая автору фразеологическая конфигурация путем адаптации семантики фраземы к когнитивно-дискурсивному содержанию высказывания. Если автором выбрана первая фразеосхема, то процесс фраземопорождения в меньшей степени протекает творчески, так как разорвать смысловую связь составляющих фразему компонентов в этом случае достаточно сложно, поэтому она фиксируется в сознании автора в её первоначальном виде. Третья же схема предоставляет большие возможности для заполнения слотов выбранной фрейм-структуры субъективной информацией, что требует более напряжённой речемыслительной деятельности автора, перед которым раскрывается неизмеримый горизонт для творческой реализации замысла. Соответственно, путь от внутренней речи к внешней в этом случае отличается большей протяжённостью, а процесс фраземопреобразования большей степенью проявления индивидуально-авторского словоупотребления. Об этом писал ещё Л. С. Выготский: «переход от внутренней к внешней речи есть сложная динамическая трансформация – превращение предикативной и идиоматической речи в синтаксически расчленённую и понятную для других речь» [3, с. 37]. В связи с этим попытаемся обратиться к динамике дискурсивного фраземопреобразования. По нашему мнению, коммуникативно-прагматический потенциал у ФЕ с разной семантической спаянностью различен, имеет динамический характер и проявляется на отрезке от внутреннего программирования к лексическому развертыванию и грамматическому конструированию по схеме: *количество мыслительных операций в качестве воспроизведений за единицу времени*. Различие в динамике фраземопреобразования обусловлено структурой фразем, а также их идиоматичностью – семантической спаянностью лексических компонентов. В структурной классификации ФЕ, учитывающей их функции и синтаксическое построение, выделяем номинативные и коммуникативные ФЕ. **Номинативные ФЕ** называют то или иное явление действительности и выступают в функции какого-либо члена предложения (*Бледный Ахилла дрожал и с замиранием сердца ловил каждое слово*. Лесков; *Плебей, сын плебея! Ну, ошибись, наломай дров...* Шукшин). **Коммуникативные ФЕ** передают целое сообщение афористического или неафористического характера (*Но во всех этих случаях против «увлека-*

тельности» Ахиллы благоразумно принимались меры предосторожности: поручалось кому-нибудь из взрослых певчих дергать Ахиллы за полы или осаживать его в благопотребную минуту вниз за плечи. Но недаром сложена пословица, что **на всякий час не обережешься**. Лесков; **Вот то-то и есть, камень в воду всяк бросит, да не всяк его вытациит**. Лесков; **А вот если, говорит, ты нам погасишь одну зловредную свечку, которая раздула мировой пожар, то Родина тебя не забудет. Тонкий намек на толстые обстоятельства**. Шукшин). Анализируя данные типы ФЕ с точки зрения динамики их фразеопреобразования, можно предположить, что основная специфика ФЕ номинативного характера, характеризующихся высокой степенью семантической спаянности, заключается в том, что это в разговорной речемыслительной деятельности более лабильные единицы. Данное свойство обусловлено семантическими свойствами фразем и способом экспликации их значения. Коммуникативно-прагматический потенциал ФЕ такого типа заключается в непосредственном, мгновенном реагировании на различные стимулы. Замена целого ряда высказываний одной ФЕ, сокращение времени на обдумывание и репрезентацию мысли придает ей особую смысловую емкость, эффективность, эмоционально-экспрессивную и воздействующую силу.

ФЕ коммуникативного типа более тяжеловесны. В силу своей высокой информативности они, как правило, не требуют обязательной контекстной конкретизации. Коммуникативные ФЕ, как и номинативные, свою семантическую структуру формируют в соответствии с заданной денотативной ситуацией. Однако, участвуя в выражении всего сообщения, они совмещают в себе не только выражаемый вторичный денотат, но и всю денотативную ситуацию, представляемую всем фразеоцентрическим контекстом. При этом увеличивается возможность смысловой интерпретации, возможность построения (благодаря разнообразию контекстов) альтернативных семантических структур [9, с. 35], функционирующих в том или ином дискурсе. Ср.: *Вот што я тебе скажу, Родион Потапыч: и чего нам ссориться? Слава богу, всем ма-тушки-земли хватит, а я из своих двадцати пяти сажен не выйду и вглыбь дальше десятой сажени не пойду. Одним словом, по положению, как все другие прочие народы... Спроси, говорю, Степан-то Романьча!.. Благодетель он... Старый шпейгер плюнул на конкурента, повернулся и ушел. – Эй, Родион Потапыч, не плюй в колодец! – кричал вслед ему Мыльников. – Как бы самому же напиться не пришлось... Всяко бывает. Я вот тебе такое золото обещаю, што не поздоровиться. Мамин-Сибиряк.*

Подобные ФЕ можно рассматривать как полноценные речевые акты. Поэтому увеличивается время на их подготовку, конструирование и репрезентацию, что требует больших мыслительных операций. Однако ФЕ с менее выраженной идиоматичностью обладают большим диапазоном интерпретационной вариативности, активнее включаются в коммуникацию, подвергаясь различным модификациям, трансформируясь, создавая новые смыслы на основе ассоциативно-образных связей в зависимости от условий общения. Это, в свою очередь, усиливает прагматическое воздействие данных ФЕ на читателя.

Таким образом, речемыслительная деятельность читателя, «иницируемая говорящим и поддерживаемая адресатом речи – это своего рода вторжение в сознание человека, направленное на построение в его когнитивной системе определенной картины мира» [7, с. 32]. Поэтому успешность художественно-словесной коммуникации напрямую зависит от уровня лингвокультурной компетенции коммуникантов, от узнаваемости коммуникативных стереотипов той дискурсивной среды, в которой они функционируют, а также от их индивидуальных коммуникативных привычек.

Фраземосемиозис, как убеждает наш анализ, осуществляется посредством когнитивно-прагматической интерпретации репрезентируемой дискурсивной ситуации. Речемыслительная деятельность коммуникантов сводится главным образом к опера-

циям по порождению фразеоцентрического высказывания. Она представляет собой сложный когнитивно-дискурсивный процесс, отражающийся на уровне структурно-семантического оформления фразем, которое становится возможным благодаря способности мозга к конструктивно-творческому преобразованию действительности [см.: 10, с. 83] и его косвенно-производному знакообозначению.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке. / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.
2. Алефиренко Н. Ф. «Живое слово: Проблемы функциональной лексикологии / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – Москва: Лабиринт, 1999. – 352 с.
4. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 160 с.
5. Казарцева О. М. Культура речевого общения: теория и практика обучения / О. М. Казарцева. – М., 2001. – 496 с.
6. Леонтович О. А. Введение в межкультурную коммуникацию / О. А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2007. – 368 с.
7. Милевская Т. В. Связность как категория дискурса и текста: когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты: дисс. д.ф.н. / Т. В. Милевская. – Ростов-на-Дону, 2003. – 390 с.
8. Почепцов Г. Г. О коммуникативной типологии адресата / Г. Г. Почепцов // Речевые акты в лингвистике и методике. – Пятигорск, 1986. – С. 10 – 17.
9. Почепцов Г. Г. Коммуникативно-прагматические аспекты семантики / Г. Г. Почепцов // ФН. – М., 1984. – № 4. – С. 35.
10. Спиркин А. Г. Сознание и самосознание / А. Г. Спиркин. – М.: Политиздат, 1972. – 303 с.
11. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. – М.: Издательство «ИКАР», 2007. – 480 с.
12. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1990. – 921 с.
13. Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков. Под ред. А. И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.

PHRASEOLOGICAL UNIT GENERATION IN THE LIGHT OF COGNITIVE-PRAGMATICAL TEXT THEORY

N. F. Alefirenko
E. I. Perehvatova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
alefirenko@bsu.edu.ru
kejto@mail.ru*

Phraseological unit generation is the activity directed at indirectly-derivative representation of subjective-interpretive concepts in frame structures, representing objects in cognitive-pragmatical space of the text defined discursive situations.

Key words: phraseological unit, text, discourse, discursive situation, inner speech.